

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 1(091)(4/9)

В.И. Красиков, Э. Сандаг

СТРУКТУРА ПОЛЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ВНИМАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ (80-00 гг. XX-XXI вв.)

Середина 80-х, когда отзвучали последние за-поздалые выстрелы дискуссии об идеальном, стала прологом начала конца советской философии. Вторая половина 80-х проходила уже под знаком большой идеологической схватки либерализма и коммунизма уже на собственной территории последнего – и когда говорят пушки, музы молчат. Молчала и философия – для правоверного большинства сообщества, воспитанного в естественности марксистских представлений, вскрылась их прежняя зачарованность и ужасающая ограниченность – подобно обитателям Платоновой пещеры они вдруг увидели вместо теней мир света и настоящих предметов. И это большинство, к коему относит себя и автор, пребывало в шоке и священном трепете от открывшихся безграничных горизонтов.¹

В конце 80 – начале 90 гг. была прорвана идеологическая дамба и страну захлестнули бурные потоки русской дооктябрьской и эмигрантской литературы, равно как и переводов западной философии XX в. Эти потоки устремились в бреши мировоззрения, образование которых и произошло в революционные годы второй половины 80-х. Атак критической рефлексии не выдержала первоначально наиболее иррациональная часть марксизма: мессианистско-утопический проект – в "славной истории" его реализации. Известно, к чему привел этот полурелигиозный миф о передовом пролетариате, который посредством своей диктатуры, в интересах всего человечества, охваченный этическим пафосом, ведет революционный джихад и строит развитой социализм. В развенчании подобных догматов марксистской веры не нужно было даже задействования сколько-нибудь серьезных умов, вполне хватало резвых публицистов и амбициозных историков. Схема "постепенного опрокидывания" советской идеологии, думаю, у многих в памяти:

— во всем виноват Сталин, он извратил муд-

рые заветы Ленина;

— да нет, Ленин-то и создал в своем революционном нетерпении и в традициях русских нигилистов вариант "казарменного коммунизма", извращающий вполне цивилизованный, "европейский" проект Маркса;

— вот Маркс-то во всем, оказывается, и виноват, создав новый псевдорациональный революционный миф, соединив европейское (немецкую философию, французскую историю, английскую политэкономию) с восточным – мессианско-религиозным началом (иудаистские мифы о богоизбранном народе, апокалипсисе и царстве Божьем для спасаемых);

— в конце концов, "крайним" оказался Платон с его онтологическим удвоением реальности, где программирующая действительность мира идей проецируется в утопию совершенного государства.

Справедливости ради, следует сказать, что публицистов и идеологов хватило лишь на "вскрытие" первых двух "истоков тоталитаризма", последние два выявили уже все же философы с соответствующими историко-философскими знаниями.

Теорию коммунизма, в свою очередь, фундировала формационная концепция Маркса. Заметим, преодолевали, т.е. подвергли критической рефлексии, не "материалистическое понимание истории", которое уже органично вошло в кровь и плоть обществознания XX в. и лежит в основе большинства современных социально-экономических теорий. Подверглась критике чесчур жестко формализованная схема пяти формаций, чья телеологическая логика подстроена именно под этико-утопическую цель ликвидации эксплуатации человека человеком и преодоление отчуждения. Эпоха дикого капитализма, когда неправедные богатства создавались именно аморальными типами посредством бессовестной эксплуатации, породили убеждение крайнего этического ригоризма, типа "собственность – это кража", "богатые – заведомые негодяи, бедные – прирожденно добродетельны". Вместе с тем, общепризнанно, что формационный подход при всей его этико-идеологической ангажированности представлял собой первый удачный опыт идеаль-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке и в рамках выполнения научно-исследовательского проекта № 2.1.3/4245, Аналитической ведомственной целевой программы "Развитие научного потенциала высшей школы" 2009-2010 гг. Министерства образования и науки РФ, Федерального агентства по образованию

ной типизации в социальной философии. Примерно в таком ключе и пошло к концу 80 гг. критическое обсуждение теории ОЭФ как основы истмата и параллельное освоение других подходов к исследованию общества: цивилизационного, культурно-исторического, социально-феноменологического, критической теории общества и др. В 90 гг. это привело к конституированию в российском философском сообществе современной социальной философии, с трудом еще освобождающейся от своей истматовской скорлупы, и политической философии.

Третий бастион, который штурмовала рефлексия критической ревизии советского марксизма – методолого-онтологическая основа основ: диалектика и теория материи. И он, в отличие от научного коммунизма и истмата, оказался наиболее устойчивым, сохраняясь, хотя и в модифицированном виде, в мировоззрении большинства современных преподавателей философии и в программах обучения. Собственно, эта фундирующая часть была наименее идеологизированной и укоренена в солидной историко-философской традиции. Дискуссии о статусе диалектики как скорее пропедевтической методологии формирования гибкого операционального мышления, о категории "материя" как одной (но лишь одной) из фундаментальных концептуализаций естествознания – сыграли важную роль в разумной корректировке в сторону элиминации диамата к одной из возможных онтологий.

Что можно сказать об этих дискуссиях? В целом они сыграли позитивную роль в расчистке "авгиевых конюшен" советского философского догматизма, скорее не наследия самих Маркса и Энгельса, а той конstellации идей под общим лейблом "диалектический и исторический материализм", созданных "философскими мандаринами" и их многочисленной свитой, чьи учебники и исследования, полагались по умолчанию за каноническую "марксистско-ленинскую философию". Серость, безликость здесь скорее приветствовались в качестве образцов "научности", скромности и политкорректности. Были и негативные моменты, вполне естественные в периоды глубоких критических чисток, в которых всегда более присутствует и приветствуется радикализм и обилие черных красок. Тогда-то и появились зачастую несправедливые, очернительные, уничижительные характеристики советской философии и того, чем занимались отечественные философы в последние 30 лет. Как всегда, нужно время для более серьезного обдумывания, необходима историческая дистанция для самой возможности развертывания уже позитивной, конструирующей рефлексии целостного осмысления опыта пережитого. Не случайно же именно сейчас, спустя десятилетия после штурма конца 80 гг., уже в нулевые годы XXI в. мы видим мощное интеллектуальное движение по позитивной реконструкции (и конструирова-

нию) нового образа советской философии.

Однако что же происходило в отечественной, уже российской, философии 90 – 00 гг.? Здесь мы можем высказать лишь самые общие и приблизительные суждения. Мы вступаем, как образно выразился Р. Коллинз, "во мглу ближайшего настоящего. Поколение перед нами как бы покрыто туманом, который мы могли бы лучше назвать паром, поднимающимся над полемикой, слишком к нам близкой для проникновения. Вряд лиrationально также выделять какие-то конкретные фамилии. У нас нет способа узнать о ком (если о ком-либо вообще) будут помнить как о выдающейся или второстепенной фигуре: возможно, даже тем именам, которые включены в центральные контроверзы и противоборства целого десятилетия, будет большой удачей оказаться упомянутым в качестве третьестепенных в будущих трудах по интеллектуальной истории. Такова уж природа пространства интеллектуального внимания. Оно внутренне образовано потоком конфликтов и перегруппировок через поколения, а наша значимость как мельчайших человеческих узелков в этой долговременной сети производится не нами самими, но процессами резонанса, превращающими некоторые имена в символы того, что произошло в памятных поворотных пунктах данного потока".[1, с.1015-1016]

Учитывая указанные обстоятельства, ограничимся двумя характеристиками:

- обозначением ключевых тем дискуссий, которые ускоряли новые размежевания в отечественном философском сообществе, способствовали конституированию и самоидентификации новых позиций;

- нанесением первых "штрих-кодов" на наличествующие наиболее заметные позиции в современном поле интеллектуального внимания нашего философского сообщества.

В 90 гг. продолжается ревизия наследия советской философии, и страницы журналов по-прежнему пестрели риторическими вопрошениями, типа "Умер ли марксизм?" (в его постановке сквозит: "да нет же, жив!"), особенно в первую половину последнего десятилетия ушедшего века. Однако они уже волновали большинство сообщества гораздо в меньшей степени (кроме, конечно, "мумифицированных"), чем в конце 80 гг.: в принципе с этим уже каждый разобрался так, как он счел это нужным. На мой взгляд, основное внимание 90 гг. было сфокусировано на двух дискуссиях, которые повлекли за собой некоторые существенные сдвиги в линиях противостояния, образовав новые позиции.

Затравкой одной из них послужила статья А.Л. Никифорова "Является ли философия наукой?" ("Философские науки", 1989, № 6), в которой автор, пользуясь набором вполне адекватных критериев (парадигмального, строгости научного языка, верификации-фальсификации и пр.), ут-

вержал, что философия, впрочем, как и многие другие гуманитарные дисциплины, не является "наукой" в том смысле, в каком этот термин применяется к естественнонаучным дисциплинам. В принципе автор не открыл ничего особенно нового – это различие (по методу и предмету) стало классикой еще в XIX в. (Баденская школа неокантианства), сюда были добавлены еще лишь соображения представителей постпозитивизма (Т. Кун, И. Лакатос). Но не будем забывать, что еще в начале 90 гг. о неокантианстве мы знали лишь в объеме "Критик современной буржуазной философии", а основные их тексты были напечатаны лишь в середине 90 гг.! Это было откровение, это было почти революционно – для основного контингента преподавателей философии, которых у нас собственно и считают "философами", воспитанных в истовой вере: "философия – царица всех наук", "философия – наука о наиболее общих законах развития мира и человека". Это сейчас может показаться смешным и нелепым, но кто имеет достаточный возраст и память, тот подтвердит.

Конечно же, не было недостатка в старых добрых "гневных отповедях" с высочайшим градусом пафоса и обильным цитированием нетленок, утверждавшим, что философия – альфа и омега наук. Впрочем, подобных произведений, по крайней мере, у нас, всегда было в переизбытке: советская система марксистского философского образования, наверное, как и любая теологическая система в свое время, произвела массовый тип философа с "тоннельным мировоззрением". Усвоив, как сакральные, некоторые установки, он проносит их через всю жизнь, и от любых, казалось бы, самых разумных, аргументов просто отмахиваются как от назойливых мух ("слепое пятно" восприятия?), сочетая все это с феноменальной самоувренностью. Таким образом, другой край дискуссии, супротив А.Л. Никифорова, – ортодоксально-марксистская часть сообщества, весьма заметим голосистое, особенно в то время ожидания реванша. Философия была, есть и будет фундирующей наукой поиска первопричин (Аристотель) и основой мировоззрения – такова, если рационализировать поток сознания, их позиция.

Дискуссия позволила самоидентифицироваться и русским читателям текстов постмодернизма и аналитической философии.

О чем вы, ребята, говорите? О какой философии как науке, когда виднейшие интеллектуальные клиницисты мира давно уже констатировали смерть пациента? Философия всегда была формой полурелигиозного, полуидеологического мышления либо была разновидностью досужей игры в бисер. В лучшем случае, если оставить метафизику попам, художникам и детям, философия остается как некая позитивная разработка в анализе текстов, языка и логики мышления. При существенном различии с первой позицией (философии науки), эта, третья, позиция имела тенденцию к

союзу с "позитивистами" – для общей борьбы против более сильной тогда и монолитно догматической позицией вульгарной сверхсциентизации философии. В итоге можно сказать, что сквозной и значимый характер этой дискуссии – в дроблении интеллектуального поля внимания профессиональных философов (в отличие от внутридисциплинарных размежеваний: появления современных социальной философии, политической философии, культурологии) и самоидентификации трех позиций:

- философии науки, становление "нового когнитивизма";
- русского постмодернизма, философии языка;
- ортодоксального марксизма в поисках своих новых привлекательных имиджей.

Другая ключевая для отечественного сообщества дискуссия 90 гг. была еще громче, заметнее первой, т.к. более тесно была связана с идеологической борьбой и политикой. У нее не было какого-то одного академического повода в виде удачной провокативной статьи. Она была вызвана как мощным "броском" в конце 80 – начале 90 гг. в российскую интеллектуальную жизнь огромного числа текстов российских дореволюционных философов и философов-эмигрантов, так и резким обострением политической борьбы в 1993, поражением консервативного блока под реваншистскими лозунгами и, как следствие, "сменой вех" в направлении к дооктябрьским ценностям. Редкий номер философских журналов 90 гг. обходился без материала, связанного либо с публикациями новых русских классиков, либо аналитических работ о них, либо полемикой об их значимости. Несть числа конференциям, проведенным в 90 гг. по русской религиозной философии, вплоть до двух конгрессов (1993, 1999). Что такое "русская духовная традиция", какова она, "метафизика русского духа", каково взаимодействие православия и русской философии, православной духовности и "русской идеи" – вот вопросы, составившие канву этой дискуссии.

Вековечный спор XIX в. был вновь воспроизведен в конце века XX практически без изменений: опять подавляющее большинство оказалось за славянофилами (неославянофилами), опять вся та же пафосная, обращенная к массам и власти, риторика, опять инвективы в адрес безродных космополитов и вавилонской блудницы Запада. И хотя власть вроде бы как была радикально либеральной, но это "вроде" никого не вводило в заблуждение: уже при Ельцине начались правительственные ухаживания за РПЦ, градус урапатриотизма в связи с Югославией ли, Крымом ли, "восстановлением конституционного порядка", постоянно крепчал. Что, как известно, логически завершилось победоносной "антитеррористической операцией" и "укреплением вертикали власти".

Неославянофилы, лидером которых, по крайней мере, в 90 гг. на Западе полагали С. Хоружего [2], считали, что аутентичная русская философская традиция должна основываться на русском православии как фундаменте русской культуры и развивать наследие восточных отцов церкви, создавая православную антропологию и социальную философию. Возрождаемая русская религиозная философия должна, по мысли ее адептов, сгенерировать заново "русскую идею" для спасения и возвеличивания России, которой нужна вдохновляющая и объединяющая программа. Ядром последней предполагают концепт "соборности", идеал общества, базирующегося на базе ценностей, объявляемых "общечеловеческими" (а Россия, соответственно, преследует не столько свои, сколько общепланетарные, богочеловеческие цели). Либеральное понятие свободы – источник социального фрагментирования и отрицания духовности.

Справедливости ради следует отметить, что констелляция идей под названием "неославянофильство" включает в себя представления самой разношерстной публики. Здесь мы видим спектр: от крайних националистов, смыкающихся с русским нацизмом – до вполне умеренных и вменяемых последователей русской религиозной "проповедной" философии – типа Николая Бердяева, Евгения Трубецкого, Георгия Федотова и Льва Карсавина, у которых коллективистский ethos русской мысли был артикулирован религиозным персонализмом. Здесь также и "messianische экологисты", и "космисты", и "евразийцы". Подобное обилие говорит о том, что как всякая изначально "сильная" (т.е. весьма привлекательная, имеющая много сторонников) позиция, она расщепилась и в первом десятилетии XXI в. превратилась скорее в "слабую" – что-то не видно молодых философов, стремящихся конструировать учения в духе русской религиозной философии.

Также, как и в начале XX в., в его конце "незападники" объединились вокруг возрожденного журнала "Логос", также вокруг феноменологии, еще "приправленной" постмодернизмом. Стандарты качества текстов здесь, вне всяких сомнений, на порядок выше, чем у сторонников "русской идеи", однако зацикленность на "культурных темах" часто удручаает. Критика же "квасного патриотизма" как всегда точна и метка. "Русская идея", полагают они, возникает не из каких-то исторических и духовных реалий, а из *психологии русского утопизма*. Соборность – это идеализация примитивного социального института (общины), который не может быть основанием для современного общества. Образ Запада в русской духовной традиции есть следствие скорее "невроза уникальности" (Евг. Барабанов), происходящего из потребности в компенсации недостатка чувства самоуверенности. Новая религиозная русская философия не анализирует данное (т.е. то, что есть),

но скорее конструирует идеал, нечто ожидаемое, силой авторитета которого она пытается "трансформировать" данное

В отличие от неославянофилов, для философов, ведущих с ними полемику, приверженность идеалам либерализма и профессионализма в философии не является какой-то идеологической объединительной платформой. Это люди придерживаются довольно разных убеждений в философии (феноменология, постмодернизм, философия науки, аналитическая философия и пр.), однако едины в стремлении ограничить (ввести в рамки) влияние организистских, коллективистско-иррациональных импульсов в отечественном философствовании, размежевать философию с идеологией (препятствовать использование философии в идеологических нуждах), культивировать лучшие образцы философского профессионализма.

00 гг. XXI в. принесли с собой не только новые дискуссии и перегруппировки, но и серьезные изменения в институциональных основаниях самого существования философии в России. Но сначала о трех наиболее значимых, на мой взгляд, дискуссиях.

Как следует из предшествовавшего анализа, в 90 гг. в российском философском сообществе образовались 2 сильные философские позиции (философия науки и русский постмодернизм) и 4 слабые, более идеологизированные позиции (религиозная философия, национализм, радикальный либерализм и ортодоксальный марксизм). Два фокуса внимания в одном интеллектуальном поле должны были, рано или поздно, пересечься, а силы, за ними стоящие – померяться силами. Недолгие полусоюзнические отношения, возникшие из столкновений с более сильным в начале 90 гг. соперником (ортодоксальным марксизмом), прекратились по мере резкого ослабления последнего. Между тем взаимные счеты нарастили, тем более, что и аутентичные направления на Западе постоянно конфликтуют между собой. Постмодернизм (и феноменология) обвиняет постпозитивизм (философию науки) в наивном реализме, культивировании "естественной установки". Противная сторона упрекает последователей Гуссерля и Деррида в полном отрыве от действительности, субъективном схематизме, релятивизме и нигилизме.

Обе позиции явственно гносеологичны по своим корням (позитивизм и структурализм) и их конфликт вспыхнул с новой силой в условиях нового когнитивного поворота, который произошел и происходит в конце XX – начале XXI вв.^[3] Происходит натурализация наук о человеке и гуманизация наук о природе. Складывается междисциплинарная когнитивная наука (новый когнитивизм) за счет именно взаимных интервенций подходов и проблематик: когнитивная психология и нейрофизиология, когнитивная лингвистика, когнитивная теория эволюции, когнитивная этология

и пр. В этих условиях новую жизнь или переописание, переформулирование получают традиционные проблемы теории познания: отношений между познающим и познавательным, достоверности знания и механизмов формирования, употребления категорий опыта, отношения ментального содержания к внешнему миру, статуса интенциональности, реальности и нереальности сознания, отношения психических процессов к взаимодействию нейронов головного мозга, отношения норм и причинных зависимостей в процессе переработки информации.

В обсуждении этих проблем явственные две контрастирующие позиции: реализм и конструктивизм. Реализм собирает под свои знамена довольно разные силы: это русские последователи линии Поппера в постпозитивизме, т.е. традиционные рационалисты и марксисты ильинковской (и леонтьевской) линии, разрабатывавшие деятельностный подход в объяснении человека и его познания. Основные тезисы реализма: наше сознание через практику имеет реальный доступ к вещам самим по себе и посредством схематизации деятельностных структур формирует их концептуальные образы; эти понятия, хотя и обладают с формальной стороны априорным статусом, наполнены предметным содержанием, которое определяется как опытными проверками, так и фальсификациями со стороны критической рефлексии.

Конструктивизм, под чьими знаменами оказались русские последователи линии релятивистского рационализма в постпозитивизме или "школы историков" Т. Куна, П. Фейерабенда, аналитической философии, феноменологии и постмодернизма, рассматривает познание, науку как социальное или даже "политическое" предприятие. Содержание сознания, научные теории имеют, конечно, некоторое общее соответствие с внешним миром, иначе бы оно просто не было бы эффективным. Реальное, рабочее соответствие они (теории) имеют, прежде всего, с теми практическими и социально-экзистенциальными затруднениями, на решение которых они направлены. Ищутся (конструируются) ключи, отмычки для проблемных ситуаций, возникающих эволюционно-предначертанно в коллективном опыте человечества. Наши врожденные поведенческие, ментальные эволюционные программы (интенциональность) изначально хорошо скореллированы с общим обстоянием дел в био- и социосфере, однако необходим социально-естественный отбор конкурирующих социальных и научных программ для оптимизации человеческого развития. Сознание реально лишь в обществе, складывающемся во взаимодействии-конкуренции коллективно-психологических целостностей (групп людей) и его конструкции задаются и верифицируются именно этой "реальностью", а не "внешним миром".

Вероятно, эти теоретические столкновения

приведут к формированию новых альянсов, позиций. Разнородность сторонников "реализма" и "конструктивизма" будет, очевидно, преодолена, если у них появятся яркие лидеры, синтезирующие эту разнородность, чьи имена обозначат нечто новое в отечественной философии, пусть оно (это новое) и будет, как всегда, лишь рекомбинацией прежних, хорошо известных ингредиентов.

Другая важная дискуссия 00 гг. была вызвана, в общем-то, внешним вызовом интенсификации процессов глобализации и настоятельной потребностью дать внятный ответ – самоопределение России. В этом плане вторая дискуссия, как и предыдущая, есть российская калька с дебатов, идущих на Западе. Вместе с тем, самоидентификационная, авторская составляющая особенно представительна именно в дискуссии о судьбах человечества, постчеловеческом будущем.

Как и на Западе, основной водораздел в споре: признание-непризнание правомерности (социальной естественности, объективности), разумности и справедливости глобализации: глобалисты-антиглобалисты (либо альтер-). Как и на Западе, признание (критическое) правомерности и неизбежности глобализации отличает все рационалистические и либерально настроенные школы в философии. Напротив, их оппоненты, рассматривающие происходящее как инспирированное, неоимпериализм, консолидируются вокруг новой привлекательной идеи "сопротивления". Похоже, слабые порознь идеологические позиции левой интеллигенции обретают новое объединительное начало (раньше таком были Маркс, Фрейд). И мы видим объединение в анти-альтерглобализме – как "старых" левых: анархистов, марксистов, хиппи; так и "новых": феминисток, экологистов, новых религиозных движений. У нас в России перечисленные движения представлены в зачаточном виде. Но вот марксистам представился отличный шанс возглавить филиал антиглобалистов в России, чем они не замедлили воспользоваться.

Сторонники, последователи глобализации, констатирующие и анализирующие процессы глобализации, представлены в основном учеными-обществоведами, экономистами, ну, может быть, слегка разбавлены либеральными идеологами и членами экспертных сообществ. Собственно и нет единой позиции, платформы "глобалистов", по крайней мере, среди философов и обществоведов.

А вот их оппоненты – "новые" марксисты, люди среднего поколения и постсоветской профессиональной карьеры, настроены на боевой лад, прекрасно сознают критически-революционный потенциал антиглобалистских настроений. Они прямо делают заявку на "возвращение к истокам", критическое переописание в соответствии с новыми реалиями – с тем, чтобы сделать "неомарксизм" современной теорией эманципации от неоимпериализма.

Противник, правда, некоторая "ветряная

"мельница" – в виде "позитивизма и неолиберализма в странной смеси с постмодернизмом", которые опираются на "методологию безразличия, внеисторический подход к общественной жизни, методологический дилентатизм".[4] Истоком, к которому следует припасть, объявляется не ортодоксальный, а "критический марксизм" (к которому авторы причисляют Г. Батищева, В. Вазюлина, Э. Ильинкова, В. Лекторского, М. Лифшица, В. Фролова, В. Межуева и др.), постулируется возрождение, обновление, очищение.

Похоже, проект действительно может стать новой заметной позицией в поле интеллектуального внимания отечественного философского сообщества. Вот будет ли она "сильной"? Судя по "манифесту" Бузгалина и Колганова, предлагаемая концепция состоит из трех достаточно разноречивых компонентов:

- эманципационной риторики в духе Маркса его фейербахианского периода (фундаментальное противоречие исторического процесса – между отчуждением и творчеством);

- элементов анархо-синдикализма (радикализация самоуправления, приоритет законодательной власти, отмирание политических партий – т.н. "базисная демократия");

- вульгарного эволюционизма, который чудесным образом уживается с некой "диалектикой", объясняющей неудачу "мутантного социализма" (в СССР) тем, что тот "не мог развить потенциал прогресса" (предполагается, "по умолчанию", что таковой потенциал был).

Наконец, третья дискуссия, которая все никак не утихает в течение всех прошедших годов нового столетия, действительно глубоко и всерьез разволновала все сообщество, а не какие-то его отдельные группы по интересам и идеологическим платформам. Что же, дело непростое, не абстрактный досужий спор, а то, что приводит к перестройке материальных основ существования и, тем самым, определяет перспективы сообщества: кому (каким позициям) жить, усиливаться, а кому вымирать в силу отказа социальных сил в их поддержке.

Собственно дискуссия велась не столько внутри сообщества, сколько на междисциплинарном уровне. В свое время в Западной Европе против абсолютистских притязаний (мировоззренческих и методологических) философии "взбунтовались" теоретики естественных дисциплин, найдя свою особую сциентистскую идеологию (позитивистская философия). Также и после освобождения от засилья тоталитарной идеологии, верной прислужницей которой была марксистско-ленинская философия, многие недовольные лидеры естественных дисциплин предъявили старые счета (зубрежки, начетничество и схоластики в преподавании прежней философии) и повели атаку на беспрецедентно привилегированное положение, в сравнении с западной образовательной

практикой, философии в российском учебном процессе.

Надо признать, что счета и привилегии действительно имеются. Счета – это общеизвестные примеры участия официальных советских философов как в травле новых дисциплин (генетики, кибернетики, психоанализа, конкретных социологических исследований и пр.), так и в идеологической слежке, научничеcтве, плоских поучениях, которые вынуждены были терпеть специалисты. При том большинство из них получали стойкий иммунитет к философии вообще – после годового токсикоза, госэкзамена (по научному коммунизму) и кандидатского экзамена, где требовался большой объем механической памяти для заучивания вещей, которые просто не запоминались в силу своего разительного расхождения с реальной жизнью.

Марксистко-ленинская философия, так же, как и практически примыкающие к ней, в силу "триединства" марксизма", политэкономии и "научный коммунизм", в отличие от любых других образовательных дисциплин, обладали мощным дополнительным материально-организационным ресурсом поддержки – это патронаж несменяемой правящей партии. В чем выражалась эта поддержка?

- В большом объеме учебных часов (стандарт 140 часов в год), два семестровых экзамена, госэкзамен, вступительный (в аспирантуру) и кандидатский экзамен. Последние два давали влиятельность и престиж в вузе: если иностранный еще можно выучить за год-два, то для запоминания марксистско-ленинской философии нужна была вся преподавательская жизнь. Куда идут соискатели и их руководители? – Правильно, на кафедру философии с поклоном.

- В том, что кадры высокой квалификации (кандидаты и доктора наук) включались в районные, областные партийные номенклатуры, часто и охотно рекрутировались на партийную, советскую, профсоюзную, комсомольскую и пр. административную работу. Как и наоборот: преподавание философии, политэкономии, научного коммунизма и истории КПСС – считались одной из приличных форм "ухода от дел" партийных и советских боссов.

- В том, что преподаватели общественных дисциплин имели еще такой приличный бонус как постоянные лекции в системе партийной и советской учебы и по обществу "Знание", которые помимо хороших регулярных гонораров, респекта, давали еще и постоянную близость к местным всесильным партийным и советским лидерам, которая конвертировалась в разные приятные дивиденды.

Об этом особом статусе преподавателей общественных дисциплин, в то время по умолчанию идеологических, всем было хорошо известно. Сюда, на хлебные и заметные места, стремились мо-

лодые честолюбцы и к концу "застоя" для поступления на философский факультет уже стали требовать рекомендации, направления партийных и советских органов, как и, заметим, на престижнейшие факультеты международников и востоковедов. Известно было, что в общественных науках, особенно в "триединстве" и истории КПСС, господствовали сакральные догмы, которые следует лишь хорошоенько заучить с тем, чтобы затем с величавым священническим видом вештать их до глубокой старости, приправляя их цитатами из материалов последнего-текущего пленума-съезда.

Казалось бы, философы "виноваты" – перед многострадальными естественниками и технарями, которых они оболванивали – однако, есть ведь и другие потомки "триединства" помимо лишь философии, но досталось более всех почему-то только философии. Наверное, дело в природе философского знания, которое, как математика, логика или физика, имеет касательство (через свои общие понятия, методы, история познания) к любой научной дисциплине. Что взять с "подневольных" историков (СССР, либо КПСС) или политэкономов – все понимали, что здесь есть прямая идеологически-приказная административная зависимость. Была, конечно, последняя и в философии, однако она прямо отрицалась самими марксистами, доказывавшими свою научную объективность, выводную связь с вершинами предшествующей мировой философии: все развитие человечества с необходимостью ведет к единственно верному, потому всесильному миропониманию.

После падения КПСС и Советского Союза, вполне естественных антикоммунизма и антисоветизма первых лет правления радикально-либерального руководства страны, инвектива против "прислужников тоталитаризма", ситуация перешла в плавное русло. Слава Богу, не дошло до законов о листрации и запретов на профессии. Надо признать, что никто, в качестве конкретного субъекта власти или политики, философию не ущемлял и не притеснял. Марксистское большинство сообщества неохотно и кряхтя начало процесс своей новой профессиональной переподготовки, идеологической "линьки". Пришлось писать новые конспекты лекций, где привычные и милые сердцу понятия диамата и истмата либо переписывать другим слогом (это самые продвинутые), либо просто переименовывались названия, темы, все оставалось по-прежнему и добавлялись пары-тройка имен современных модных западных философов. Вторые, самые старые, в свое время ушли и уходят, первые постепенно эволюционировали в плане сочетания марксистского ядра прежней профессиональной социализации с какой-либо, более или менее подходящей, более понятной (имеющей корни в XIX в.), философской платформой: как правило, философии науки, философской антропологии, психоанализа или же русской религиозной философии. Аналитическая

философия, феноменология, экзистенциализм и постмодернизм – стали модной основой профессиональной социализации молодых философов, вызывая тошнотворное чувство безосновности, зубную боль потерянности и непонимания у "rationалистов XIX в." Постепенно в преподавательском сообществе утвердился почти полный плюрализм – каждый читал в качестве "авторского курса" все, что хотел: в основном историю философии (по лекалам, опять-таки, старой, добréй "борьбы материализма и идеализма") и винегрет в качестве "систематической философии". Сокращение часов на философию стало результатом не либеральных интриг или же злобных естественно-научных происков, а скорее следствием рыночного выживания образования в голодных 90 гг.

Введение госстандартов – было, безусловно, позитивной и укрепляющей философию мерой. Это положило конец появившейся было дискредитирующей тенденции иррационализации, субъективизации в преподавании философии, когда могли читать невозбранно и требовать со студентов – нет, не как фрагменты истории философии, а в виде уже "системного современного взгляда на мир" – нравящиеся кому-то психоанализ, русскую религиозную философию, перихианство, восточную мистику или уж какую-либо вообще невменяемую отсебятину. Главное же, что философия была включена в число обязательных общенаучных дисциплин. Это сохранило ее главный материальный ресурс существования – прямую, гарантированную законом, господдержку.

Полемика же по содержанию госстандarta по философии закрепила статус кво: административная власть в современном сообществе принадлежит так называемым "критическим марксистам" и философам науки (часто две стороны одной медали), с примыкающими к ним в качестве пристяжи культурологам и социальным философам. Соответственно, содержание госстандarta по философии и отражает результат этого союза, направленного против другой влиятельной, прежде всего среди студенческой философской молодежи, но лишенной рычагов административной власти в философии, феноменолого-постмодернисткой (аналитической) позиции. Представители последней авторитетны среди творческой, художественной интеллигенции, имеет престижные читаемые издания, но сознательно и недружелюбно игнорируемые современными властными структурами в философии, на пушечный выстрел не подпускающие супостатов к организационным ресурсам, что существенно уменьшает влияние противников.

Следующий раунд в переделе ресурсов влияния прежнего советского образовательного пространства развернулся в связи с кандидатским экзаменом по философии. Если бы победили сторонники отмены кандидатского экзамена по философии, а к ним, судя по публикациям, относились "пострадавшие" от интоксикации марксист-

ско-ленинской философией естественники и часть "завистливых гуманитариев", то философия в России окончательно превратилась бы в рядовую, малопривлекательную для молодежи, дисциплину. Вряд ли дело обстоит таким образом, что людей, принимающих решения убедили пафосные и велеречивые разглагольствования демагогов и искренне верящих в то, что философия формирует универсализующее и креативное мышление, духовность, культуру, нравственность и пр. Всеми этими вещами занимается масса специалистов: психологии, педагогики, истории, религии, политологии, экологии и мн. др. По большому счету, без философии, особенно в том виде, в каком она пребывала и пребывает, особенно учитывая, что солидная часть прежде философского содержания уже перекочевала в гуманитарные дисциплины ("вылупившиеся" из философии), – вполне можно было бы обойтись, не изучая ее второй, после студенчества, раз.

Привилегированное положение философии спасли две наиболее "сильные" группировки общества: философы науки и "критические марксисты". Последние еще остаются у власти, правда, в компромиссе-союзе с отечественными постпозитивистами, которые всегда имели хорошие дружественные связи с лидерами естественно-научных сообществ. Союзу благоприятствует и принципиальное духовное сродство: марксизм, особенно в разработках Ф. Энгельса, всегда имел симпатию и тяготение к позитivistскому настрою и мировоззрению.

Замена кандидатского экзамена по философии на экзамен по новой дисциплине "история и философия науки" означает резкое усиление позиции "философов науки": интенсификация внимания к ней молодежи, как к институционально привлекательной; улучшение материально-организационного обеспечения (пособия, монографии, гранты на исследования) и радужные административные перспективы (соответствующие профильные кафедры стали уже базово институциональными в плане переподготовки кадров, экспертизы фондов

и пр.) Конечно, подобное усиление происходит за счет других позиций. Однако, самая сильная позиция, как бывало не раз, не избежит дробления. Это означает также и рост сциентистских и прагматистских настроений в сообществе, что, в свою очередь, неизбежно должен спровоцировать ответную реакцию – в виде появления позиций, проповедующих альтернативные мировоззрения романтизма, иррационализма и экзистенциализма.

Наконец, последнее, что хотелось бы отметить по тенденциям интеллектуальной жизни отечественного философского сообщества – это формирование позитивного образа советской философии. Это положительная и многообещающая тенденция: для любого жизнеспособного сообщества нужны свои сакральные символы группового единства, стяги, хоругви, знамена. Если их нет, их придумывают. Подобное не совсем получилось с дореволюционной философской классикой – слишком уж другим стало наше российское общество и российская философия.

Последние стали "советскими", и в этом, помимо негативных сторон, были весьма мощные положительные аспекты. При существенном ограничении тематического поля исследований, все же произошло формирование самобытного философского сообщества, несколько десятков представителей которого создали серьезные и разнообразные школы, объединения, продуцировали оригинальные идеи и верных учеников. Что большего еще нужно для создания фундамента развития современной отечественной философии? Ничего, кроме сакralизации имен и идей.

И это не заставило себя долго ждать. На место расхристанной огульной критики конца 80 – начала 90 гг. пришла сначала критическая рефлексия, а затем и "наведение глянца". И это нужно, иначе не создать прочный фундамент, современную классику, отталкиваясь от которой и даже через, опять-таки, критическое преодоление которой, будут размечаться новые маршруты отечественных, не заемных, как было обычно, философских изысканий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. - Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.
2. Aileen Kelly (King's College, Cambridge University UK)/ Russian Philosophy after the Soviet Period. – <http://www.rep.routledge.com/article/E042>
3. О настоящем и будущем (размышления о философии). Беседа Б.И. Пружинина с В.А. Лекторским // Вопросы философии, 2007, № 1. – С.3-16.
4. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Социальная философия постсоветского марксизма в России: ответы на вызовы XXI века (тезисы к формированию научной школы) // Вопросы философии, 2005, № 9. С.3-26.

Авторы статьи:

Красиков
Владимир Иванович
- : докт. филос. наук, проф.
каф.философии КемГУ
Email: krasikov@kemcity.ru

Сандаг Энхтуяа
-канд. философ. наук, доц.
каф.философии КемГУ
Email: krasikov@kemcity.ru